

На правах рукописи

ВОРОНОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

УДК
930.26

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

(Вопросы хронологии и интерпретации памятников
VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.)

Исторические науки 07.00.06 — археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Работа выполнена в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

Официальные оппоненты:

член-корреспондент АН ГССР Джапаридзе О. М.,
доктор исторических наук Крпоткин В. В.,
доктор исторических наук Леквинадзе В. А.

Ведущая организация — Государственный Эрмитаж.

Защита состоится «...» 1984 г. в 12 часов на заседании специализированного совета Д002.18.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте археологии АН СССР — г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4 этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии АН СССР.

Автореферат разослан «...» 1984 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

Смирнов К. А.

Актуальность проблемы. Хронология и интерпретация — два важнейших, тесно связанных между собою аспекта археологической науки. Рассмотрение этих аспектов применительно к Восточному Причерноморью эпохи железа — одна из актуальнейших проблем советской и зарубежной историографии последних десятилетий. Многие стороны этой проблемы уже получили освещение в трудах нескольких поколений исследователей и ряда научных школ. Однако фундаментальные вопросы конкретно хронологии местных памятников до сих пор решались, как правило, отрывочно, попутно, без учета взаимодействия отдельных звеньев в рамках всей хронологической структуры восточнопричерноморского железного века, в слабой связи либо вообще изолированно от смежных территорий, что привело к накоплению значительного круга спорных положений и противоречий не только в хронологических выкладках, но и в следующей за ними интерпретации археологических материалов, которым из-за скудности письменных источников придается решающее значение в решении этногенетических, социально-политических, экономических, культурных и других вопросов истории Западного Закавказья. Поиски выхода из намеченного круга несоответствий и определяют актуальность настоящего исследования. Хронологический его диапазон выбран не случайно — эпоха железа в рамках VIII в. до н. э. — VIII в. н. э. на рассматриваемой территории (в пределах совр. Западной Грузии и Сочинского района Краснодарского края) представляет собой определенное историческое целое, когда местные племена проходили через различные стадии раннеклассовых отношений, а их материальная и духовная культура находились под неослабным воздействием в первую очередь греческого и иранского культурных миров.

Основной целью настоящего исследования является выявление и обоснование реальных хронологических критериев для соответствующей обработки огромного археологического материала, выявленного на территории Абхазии и всего Восточного Причерноморья. Параллельно ставится задача критического пересмотра аргументации существующих взглядов на узловые моменты местной истории (гипотезы о колхидско-кобанском единстве и колхидском царстве, проблемы истории греческой колонизации и эллинизма в Колхиде, некоторые аспекты истории Понтийского лимеса, система устьевых укреплений Колхиды в VI в. н. э., роль перевальных путей и т. д.), на основе чего вырабатываются более четкие и цельные представления о процессах, характеризовавших Восточное Причерноморье в железном веке.

Научная новизна настоящего труда определяется тем, что он представляет собой первый опыт систематического монографического исследования процесса изменений форм материальной культуры Восточного Причерноморья на протяжении 1500 лет, охватывающих эпохи раннего железа, античности и ранней стадии средневековья. Впервые в практике кавказоведческих работ широко применена методика анализа материала с помощью эволюционных схем, полученных в результате корреляционной обработки огромного (свыше 400) числа комплексов, которые рассматриваются на широком фоне в своем большинстве впервые привлекаемых аналогий и сопоставлений со смежными территориями (Восточное Закавказье, Северный Кавказ, Урарту, Иран, Малая Азия, Средиземноморье, Балканы, Западное Причерноморье, Северное Причерноморье, Поволжье). На этой основе внесены значительные коррективы и уточнения в хронологию многих восточнопричерноморских археологических памятников (сужение хронологии колхидской культуры эпохи раннего железа до рамок VIII—VII вв. до н. э., дифференциация памятников VI—IV и IV—II вв. до н. э. в окрестностях Диоскуриады, пересмотр хронологических схем цебельдинских и синхронных им центральноколхидских могильников II—VII вв. н. э., сдвиг дат памятников типа Цибилиума с IV на VI век н. э., передатировка Келасурской стены с VI на XVII век н. э., ацангуар — с бронзовой эпохи на раннее средневековье и т. д.). Значительно обновлены и усилены аргументация и ассортимент выводов по ряду узловых проблем полуторатысячелетней истории колхидского общества. В процессе подготовки этой работы автором впервые введены в научный оборот многие сотни разновременных и разнохарактерных памятников — поселений, крепостей, кладов, погребальных комплексов, отдельных изделий, значительно дополняющих картину, обрисовываемую материалами исследований, проводившихся ранее и параллельно.

Практическое значение результатов исследования многообразно. В работе по новому намечены пути к решению многих кардинальных вопросов истории и культуры Восточного Причерноморья эпохи железа, что определяет новые направления в научных исследованиях. Выводы, полученные автором, могут быть использованы при написании учебников по древней истории и археологии Кавказа, сводных монографических исследований типа многотомной Археологии СССР, а также туристских путеводителей и разработок, что особенно актуально в данном регионе в условиях бурно развивающегося отечественного и иностранного туризма. На основе

результатов настоящего исследования осуществлены археологические экспозиции в Сочинском музее краеведения и Гагрском музее абхазского оружия, проводится резкспозиция в Абхазском государственном музее. Хронологическая схема, разработанная автором, использована для создания первой кривой изменений напряженности геомагнитного поля на территории Абхазии на протяжении последних 2500 лет, а также в изучении истории местной металлургии железа.

Объем диссертации определяется основным текстом (369 страниц машинописи) и приложением (119 страниц), включающим список использованной литературы (761 наименование), 41 таблицу исполненных автором рисунков (отражено свыше 4000 предметов) и их описание. Текст диссертации состоит из предисловия, введения, трех разделов, включающих 10 глав, и заключения.

Научная апробация исследования осуществлена как через опубликованные автором 10 книг и до 70 статей и заметок общим объемом свыше 80 печатных листов, так и через посредство трех десятков докладов, доложенных на международных (Ейрене, Ереван), всесоюзных (Москва, Ленинград, Киев), региональных (Цхалтубо, Нальчик, Черкесск, Новороссийск, Геленджик), республиканских (Одесса, Тбилиси) и областных (Сухуми, Пицунда и др.) археологических сессиях, конференциях, симпозиумах, чтениях и семинарах. Обобщающие доклады по всей теме и отдельные разделы работы обсуждены на расширенных заседаниях секторов скифосарматской и античной археологии Института археологии АН СССР, сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения этого института и отдела археологии Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР.

В предисловии формулируются цели и задачи исследования, определяется основной хронологический и территориальный охват памятников, определяются новизна, значимость и структура исследования, подчеркивается, что некоторые положения диссертации носят дискуссионный характер, обусловленный в первую очередь неравномерностью археологической изученности края, отрывочностью и сравнительной скудностью имеющихся в распоряжении науки неопровержимо ясных, не допускающих двойного толкования данных археологии. Это обстоятельство однако не должно служить поводом для отсрочки попыток обобщений, поскольку, как справедливо отмечал Ф. Энгельс, «если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование,

и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 20, М., 1961, с. 555).

Во введении дается краткое изложение историографии тех проблем, в решении которых расхождения идут по двум, трем и более направлениям, и решение которых, следовательно, наиболее актуально, отмечаются диссертационные работы, монографии и важнейшие статьи по древней истории и археологии Восточного Причерноморья и смежных территорий (Б. Б. Пиотровский, Г. А. Меликишвили, С. Н. Джанашиа, Б. А. Куфтин, А. М. Апакидзе, О. М. Джапаридзе, З. В. Анчабадзе, Е. И. Крупнов, А. Н. Каландадзе, О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе, Н. Ю. Ломоури, Г. А. Лордкипанидзе, М. П. Инадзе, В. А. Левкинадзе, А. К. Амброз, Б. В. Техов, В. Б. Виноградов, М. А. Дандамаев, Г. Ф. Дундуа, А. Ю. Кахидзе, Ю. М. Гагошидзе, Ш. Д. Инал-ипа, Г. К. Соселия, Н. Н. Мелитаури, А. И. Болтунова, А. А. Иессен, М. Д. Бердзенишвили, Г. С. Ниорадзе, М. М. Ивашенко, М. М. Трапш, Д. Л. Коридзе, Н. В. Хоштария, Г. А. Ломтадзе, Л. Н. Соловьев, Л. Н. Панцхава, В. И. Козенкова, В. Б. Ковалевская, М. Н. Погребова, Н. Л. Членова, М. В. Барамидзе, Л. С. Сахарова, А. Т. Рамишвили, Р. В. Путуридзе, Я. В. Доманский, И. Н. Сосновкин, Н. Н. Матиашвили, В. А. Толордава, Д. Д. Качарава, Н. Ш. Кигурадзе, Д. Газдапустай, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, Н. П. Сорокина, О. Х. Бгажба, В. П. Пачулиа, В. М. Джапаридзе, Г. А. Гамкрелидзе, Л. Б. Джикия, Г. Т. Квирквелиа, А. М. Чкониа, Н. П. Квезерели-Копадзе и др.). Кратко освещается личный вклад автора в разработку вопросов хронологии и интерпретации восточнопричерноморских памятников эпохи железа. Значительная часть книг и статей автора основана на результатах личных наблюдений и полевых исследований, проводившихся как в составе различных экспедиций (Причерноморская, Северо-Кавказская, Сарматская, Донская, Кармир-блурская, Цебельдинская, Эшерская, Герзеульская и др.), так и самостоятельно главным образом на территории Абхазской АССР и Сочинского района Краснодарского края, где автором выявлен и исследован широкий круг памятников рассматриваемой эпохи.

РАЗДЕЛ I. ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Глава I. Хронология памятников колхидско-кобанского круга в Восточном Причерноморье. Определенности в воззрениях на даты колхидско-кобанских древностей еще не сло-

жилось — они датируются обычно от XVI—XIII до VII—VI вв. до н. э. на основе сопоставления по выборочным чертам с культурами Галыштата и Передней Азии и того сопоставления, что отсутствие железа в комплексах служит верным показателем для ранней датировки. На этой основе сформировалась серия местных относительно-хронологических колонок, среди которых выделяются разработки Р. Абрамишвили (Самтавро), Д. Л. Коридзе и Т. К. Микеладзе (Колхида) и Б. В. Техова (Тли), которые, несмотря на тесную связь через систему ссылок и кажущуюся точность (до столетия), так и не смогли вывести хронологию раннежелезного века Кавказа из состояния «зыбкости», сохранив традиционно широкие даты. Принципиально иное значение имеет работа Л. Н. Панцхава (выполнена под руководством О. М. Джапаридзе), где за основу взят гравированный орнамент бронзовых изделий, в развитии которого выделено два этапа — раннескифского и предскифского времени, а в целом эпоха этого орнамента датирована концом IX — началом VI вв. до н. э. Эта дата не вызвала возражений, однако противоречащие ей устаревшие даты по-прежнему сохраняются.

В настоящем исследовании показано, что, помимо орнамента, важным аргументом в пользу «узкой» даты колхидско-кобанских древностей должны служить дуговидные фибулы, появление которых на Кавказе обычно определяется втор. полов. — концом II тыс. до н. э. Автором впервые в отечественной практике проведен детальный анализ кавказских фибул на фоне южноевропейских и переднеазиатских аналогий (Х. Блинкенберг, И. Зундвал, Д. Стронах, Е. Сапуна-Саккеларакис, Б. Китановский, Г. Мюллер-Карпе, Л. Бернабо-Бреа, В. Карагеоргис, В. Боэмер, П. Бетцлер, Ч. Барней, О. Мускарелла, Я. Боузек и др.). Выяснено, что фибулы с круглопроволочной дужкой наиболее близки к средиземноморским фибулам, бытовавшим в Греции в эпоху геометрического стиля (IX—VIII вв. до н. э.), а в Италии и Сицилии в 850—730 гг. до н. э. (Панталича-III, Тарквиния-I, Терни-II, Есте-I, Кумы-I, Болонья-2 и др.). На Ближнем Востоке они распространяются с VIII в. до н. э., доживая до V в. до н. э. Фибулы с утолщениями по краям дужки входят в круг «островных» греческих фибул IX—VII вв. до н. э., распространившихся на Ближнем Востоке и, в особенно близкой к кавказским форме, в Урарту в VIII—VII вв. до н. э. Из европейских по форме и орнаменту к ним особенно близки балканские фибулы IX—VIII вв. до н. э. Украшение кавказских фибул этого типа грибовидными стерженьками и тремя фигурками животных находит соответствия в памятниках кон-

ца VIII—VII вв. до н. э. в Греции и Италии. Фибулы с витой дужкой сходных с кавказскими пропорций бытовали в Греции и Италии до раннеархаической эпохи, в Югославии — в комплексах 800—750 гг. до н. э. В Малую Азию эти фибулы проникают из Греции в VIII в. до н. э. Следовательно, в генезисе кавказских дуговидных фибул основную роль сыграли европейские, в первую очередь греческие и итальянские фибулы, образовавшие в VIII—VII вв. на Кавказе свой локальный северо-восточный вариант. Если фибулы первого типа могли проникнуть на Кавказ как через Северное, так и через Южное Причерноморье, то в отношении второго варианта пока документируется путь через Малую Азию и Урарту. Не исключено, что прототипы кавказских фибул были занесены в Восточное Причерноморье греческими мореплавателями, регулярные плавания которых через Дарданеллы стали возможными с VIII в. до н. э. (Р. Карпентер).

Согласно схеме Б. В. Техова, материальная культура Тли, зародившись внезапно во всех своих классических формах в середине XII в. до н. э., не менялась до момента проникновения в ее среду скифских изделий. Дата последних, характеризующих по Б. В. Техову два заключительных этапа эволюции могильника в рамках VIII—VI вв. до н. э., в действительности, как это показано раньше (М. С. Пирцхалава) и обосновано в настоящем исследовании, не выходит за рамки конца VII—VI вв. до н. э. Показано, что урартские изделия и испытывавшие их воздействие местные изделия (пояса, кинжалы, бляхи и др.), по Б. В. Техову присутствующие в комплексах Тли с XII—X вв. (погр. 224 и др.), в действительности датируются временем не ранее VII—начала VI вв. до н. э. Составленная автором корреляционно-эволюционная таблица Тлийского могильника позволяет выделить в его материалах четыре тесно связанных друг с другом этапа. Два заключительных этапа, объединенные двадцатью элементами, охватывают более половины всего ассортимента изделий, характеризующих могильник. Этапы датируются по присутствию в могилах раннескифских и позднеурартских вещей концом VII—VI вв. до н. э. (комплексы по степени удревнения — погр. 103, 15а, 139, 258, 90, 298, 246, 106, 93, 164, 94, 216, 205, 188, 120, 129, 121, 68, 85, 130, 127, 141, 69, 24, 49, 188, 166, 30, 40, 51, 109, 266, 233, 87, 165 и др.). Предшествующий этап, особенностью которого являются бронзовые кинжалы с прямым лезвием, связан с рассмотренными двумя через 26 элементов. Дата этапа по присутствующим в нем бронзовому поясу, по своим основным показателям (трехчленное деление, распределение фигур, отделка хвостов у ко-

ней, ряды отверстий по краям) относящемуся к местным подражаниям позднеурартским поясам (погр. 224), семилучевым прорезным бляшкам, известным по комплексам с позднеурартскими железными мечами (Ркинис-Кало-27), изображениям ранних скифов (погр. 76) и другим признакам определена в рамках VII в. до н. э. (комплексы по степени удревнения — 262, 83, 190, 74а, 24а, 264, 287, 254, 234, 63, 160, 201, 202, 259, 229, 231, 146а, 224, 76, 22, 86, 79, 57, 18а, 156, 102, 66, 65, 82, 88а, 88б, 250, 256, 276, 296, 138а, 48, 50, 14, 99 и др.). Наиболее архаичны комплексы с кинжалами, имеющими пламевидный контур и образующими еще один этап, тесно связанный с предыдущим через 14 элементов (в том числе два случая сочетания пламевидных кинжалов с прямолезвийными), а с двумя поздними через 18 элементов. Дата этапа определяется в рамках середины VIII—начала VII вв. до н. э. (комплексы по степени удревнения — 746, 37, 98, 114, 17, 101, 208, 39, 217, 125, 23а, 52, 115, 64, 25, 180, 55 и др.). Комплексы с булавами с пятишишечными головками и двуспиральными пряжками из-за серии соприкосновений с эпохой гравированного орнамента также не должны выходить за рамки I тыс. до н. э.

Практически ни одно солидное исследование по археологии Кавказа раннежелезной эпохи в последние четверть века не избежало воздействия хронологической схемы, выработанной Р. М. Абрамишвили на основе материалов Самтавро (А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян, Н. В. Минкевич-Мустафаева, М. Н. Погребова, В. Г. Котович и др.). В настоящем исследовании показано, что комплекс Самтавро-591 (Байэрна), который датирован в разбираемой колонке XI—X вв. до н. э., в действительности связан рядом определяющих признаков с памятниками VIII—VII вв. до н. э. (Двин, Тепе-Сиалк-В, Кайалидере, Саламис и др.), что заставляет вернуться к дате, предложенной для этого комплекса Б. Б. Пиотровским. Учтена также идентичность восточнокавказских бронзовых мечей и мечей на рельефах Куянджика (VII в.), допускающая их бытование в Закавказье до середины VII в. до н. э. (Н. Л. Членова). На основе корреляционно-эволюционной таблицы восточногрузинских комплексов в развитии местного раннежелезного века выделено пять этапов, Два заключительных этапа, связанных друг с другом через 11 элементов, на основе раннескифских и позднеурартских изделий датированы втор. полов. VII—VI вв. до н. э. (комплексы по степени удревнения — Самтавро — 27, 212, 295, 50, 106, 104, 293, Ркинис-Кало — 6, 23, Самтавро — 121, 123, 91, 174, Ркинис-Кало — 27, Самтавро — 96а, 600, 276, Ркинис-Кало —

13). Им предшествуют два этапа, связанные с комплексами скифо-урартского времени через 24 элемента и отражающие переход от бронзы к железу (редкие железные и биметаллические изделия), дата которых определена в рамках втор. полов. VIII — перв. полов. VII вв. до н. э. (комплексы по степени удреждения — Самтавро — 70, Уде, Дигоми — 134, Самтавро — 168, Дигоми — 136, Самтавро — 114, 327, Сафар-Хараб — 34, Мехчисхихе, Гантиади, Самтавро — 51, 211, 966, Маднис-чали — 4, Арашенда, Тетрицклеби — 5, Самтавро — 591, Трели — 49, Самтавро — 56 и др.). Теснейшая связь древнейшего этапа, на котором железо еще отсутствует, с четырьмя предыдущими (через 24 элемента), а также с памятниками типа Двина, открывает возможности для характеристики местной культуры к моменту широкой культурной и политической экспансии урартийцев в Закавказье в середине VIII в. до н. э. (комплексы по степени удреждения — Самтавро — 242, Гадрекили, Орхеви, Сафар-Хараб — 13, 4, 19, 11, 20, Агайани, Самтавро — 88, 44, 263, 261). Следовательно материалы колхидско-кобанского облика и в Восточном Закавказье датируются в рамках VIII — начала VI вв. до н. э.

Корреляционно-эволюционная таблица комплексов ранне-железной эпохи в Колхиде выявила в развитии местной культуры четыре этапа. Два заключительных по раннескифским и позднеурартским материалам датированы концом VII — перв. полов. VI вв. до н. э. (комплексы по степени удреждения — Нигвзиани — 12, Палури — 48, Куланурхва — 5, 4, Красный Маяк — 11, Палури — 10, 24, Красный Маяк — 17, Палури — 43, Хуцубани, Красный Маяк — 43, холм Верещагина — 3, Красный Маяк — 62, 159, Куланурхва — 9, 11 и др.). Предшествующий этап, связанный с упомянутыми через 21 элемент, характеризует эпоху расцвета гравированного орнамента, когда железные изделия еще крайне редки. Этот этап по урартскому бронзовому шлему, пекторалю, аналогии которым известны среди северо-кавказских (Бештау, Султангора) и луристанских бронз VIII — VII вв. до н. э., бляхам с пунсонным орнаментом, известным по урартским комплексам конца VIII — начала VII вв. (Кайалидере), витым удилам, бытовавшим по всей Евразии в VIII — VII вв. до н. э. (Н. Л. Членова), двукольчатым удилам, датируемым в рамках втор. полов. VIII — VII вв. до н. э. (Новочеркасский клад, Залевки, Старший Ахмыловский м-к и др.) и другим признакам датирован в рамках втор. полов. VIII — VII вв. до н. э. (комплексы по степени удреждения — Орджоли, Хеви, Куланурхва — 1, Джвари, Красный Маяк — 92, Нигозети, Верещагин холм — 2, Красный Маяк — 137, Куланурхва — 2,

Красный Маяк — 140, 68, 94, 66, Ачадара, Красный Маяк — 60, 63, Верещагин холм — 1, Анухва, Ачадара, Аагста, Бамбора, Гудаута, Приморское, Лухвано, Окуреша, Цагера, Лайлаши — 3, Сурмуши, Земо-Симонети). Древнейший этап железной эпохи в Колхиде характеризуется комплексами с кинжалами с лезвием пламевидной формы и рядом кладов. На этой стадии известен только один железный обломок. Дата этапа, связанного с последующими через 14 элементов, определена в рамках VIII в. до н. э. (комплексы по степени удреждения — Звандриш, Чобанлук, Куланурхва — 1968, В. Эшера, Шубара, Тола, Тхмори и др.).

Итак, анализ трех важнейших хронологических колонок Закавказья эпохи раннего железа, выявив необходимость пересмотра абсолютных дат в сторону их значительного упозднения, показал, что колхидско-кобанские бронзы эпохи гравированного орнамента в основном должны датироваться в рамках VIII — VII вв. до н. э., а начало железного века в Восточном Причерноморье падает на 750 — 600 гг. до н. э. Некоторая консервативность бронзовой индустрии Колхиды сравнительно с Тли и, особенно, Самтавро, объясняется ее большей удаленностью от Урарту с его «железной цивилизацией» (Р. Плейнер), сыгравшей решающую роль в распространении железа в Закавказье (Б. Б. Пиотровский).

Глава 2. Колхидско-кобанская металлургическая провинция. Проблема зародилась в 20-х годах с открытием в Абхазии кобанских бронз (В. И. Стражев, М. М. Ивашенко). Идея о «колхидско-кобанском единстве» разработана в трудах И. И. Мещанинова, Б. А. Куфтина, А. А. Иессена, Б. Б. Пиотровского, А. Л. Лукина в 30 — 40-х годах, причем «первоначальная база возникновения кобанского комплекса металлургических изделий» локализовалась в Колхиде (А. А. Иессен). В конце 40 — 50-х годах на основе различий в погребальных сооружениях, погребальном обряде, керамике и бронзовом инвентаре сформулирована гипотеза о трех культурах — Колхидской, Кобанской и Прикубанской (А. А. Иессен, О. М. Джапаридзе, Е. И. Крупнов). Мнение о самостоятельности культур Колхиды и Кобана, однако, не получило всеобщего признания, что проявляется в истории выделения их локальных вариантов, в каждом случае решаемого по своему (А. Н. Каландадзе, Р. М. Абрамишвили, Б. В. Техов, В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, И. М. Чеченов, В. И. Козенкова, Д. Л. Коридзе, Г. Ф. Гобеджишвили, Л. С. Сахарова, Л. Ференц, Д. Газдапустаи и др.) с включением одного или нескольких вариантов одной культуры в ареал другой.

Автором предложено решение проблемы на уровне металлургической продукции (гипотеза о колхидско-кобанской общности или провинции с двенадцатью локальными вариантами: I — Центральная Колхида, II — Северо-Западная Колхида, III — Южная Колхида, IV — Юго-восточное Причерноморье, V — Рача, Лечхуми и Сванетия, VI — Тли, VII — Самтавро-Триалети, VIII — Центральный вариант Кобана, IX — Восточный вариант, X — Западный вариант, XI — Верхняя Кубань, XII — Северо-Восточное Причерноморье). В настоящем исследовании установлена пестрота форм погребальных сооружений (каменные ящики — вар. II, V, VI, VIII, X, XI, XII, грунтовые ямы — вар. II, IX, XII, ямы с каменной обкладкой — вар. V, VI, VII, VIII, кромлехи — вар. II, VI, IX, кремационные камеры и площадки — вар. I, II, V, VIII, вторичные захоронения в оссуариях и грунте — вар. II и XII) и погребального обряда (скорченники с различной ориентировкой — вар. II, V, VI, VII, VIII, IX, X, XII, вытянуто на спине — вар. II, VI, XII, кремация — вар. I, II, III, VIII, вторичные захоронения — вар. II и XII) на территории колхидско-кобанской металлургической провинции. Показано, что аналогичные формы погребальных сооружений и обряда были характерны в тот период и для других районов Кавказа (Дагестан, Восточная Грузия, Азербайджан, Армения). Так же решается вопрос в отношении форм, орнаментов и технологии керамики, образующей самостоятельные группы уже на уровне вариантов. Обращено внимание на серию отчасти уже отмеченных (В. И. Козенкова) форм и мотивов, объединяющих Колхиду с Западным и Центральным вариантами Кобана (горшки, миски, кружки, лощение, каннелюры, орнамент нарезкой, бегущей спиралью, штампом, паркетом и особенно бронзовые сосуды с зооморфной ручкой, копирующие один из распространеннейших типов колхидской керамики «фригийского» круга). Подчеркнуто, что широкое распространение земледельческих орудий в Колхиде и их отсутствие в памятниках горной зоны должно объясняться не культурными различиями, а разницей в обусловленном природными условиями укладе хозяйства (О. М. Джапаридзе). Исследованиями последних десятилетий устранено мнение об отсутствии в кобанских комплексах мотыг, плоских топоров-тесел и наконечников копий с расщепленной тульей, а в колхидских комплексах высоких пряжек, браслетов со спиральными концами, крупных булавок. Аналогично положение и «кобанских» топоров с дважды изогнутым корпусом, которые в Восточном варианте присутствуют в трех экземплярах (В. И. Козенкова), а в Абхазии их известно пять. И колхид-

ские, и кобанские изделия изготовлены преимущественно из высококачественной оловянистой бронзы, а последний признак в Кобане объясняется закавказским влиянием (Е. И. Черных, С. Н. Кореневский). Мною выделено до 50 видов изделий, характеризовавших общность (из них в I вар. присутствует 20, во II — 41, в III — 13, в IV — 6, в V — 19, в VI — 31, в VII — 23, в VIII — 31, в IX — 23, в X — 16, в XI — 9 и в XII — 7 видов, т. е. наиболее близки сегодня по ассортименту изделий Кобанский, Тлийский и абхазские могильники). Это кружки с зооморфными ручками, миски, ритоны, все три типа топоров (причем литейные формы, обнаруженные как к югу, так и к северу от Кавказского хребта, относятся к топорам первого и второго типов по О. М. Джапаридзе, наконечники копий, кинжалы трех типов, часть наконечников стрел, мотыги вытянутого контура, серпы, удила, все три типа фибул, пластинчатые пояса, большинство пряжек, двухспиральные крючки, разного типа булавки, ножные и ручные браслеты многих типов, шейные гривны, бляхи, биконические спиральные бусы, спиралевидные трубочки, привески в виде топориков, фигурок животных и птиц, крестовидные подвески, височные подвески, пекторали, навершия — амулеты, протомы животных, пинцеты и т. д. Наконец очень важен гравированный орнамент, который как по исполнению, так и по сюжету настолько един, что пока исключает всякую возможность дифференцировать колхидско-кобанские древности даже на уровне вариантов (Л. Н. Панцхава).

Ни погребальные сооружения, ни погребальный обряд, ни керамика, ни металлический инвентарь не дают оснований для четкого разграничения колхидской и кобанской культур, а существующие различия должны объясняться хозяйственной специализацией в пределах организующего центра провинции и характерной для контактных зон культурной размытостью периферийных районов, обособление которых можно воздействия соседних культур усугублялось их относительной географической замкнутостью в рамках речных долин и ущелий. Формирование западного и восточного вариантов Кобанской культуры единодушно связывается с миграциями кобанцев из высокогорных районов Осетии (Е. И. Крупнов, В. Б. Виноградов, В. И. Козенкова, Д. Газдапустай, С. Л. Дударев), где достаточно суровые природные условия препятствовали развитию земледелия и разрешали лишь отгонное скотоводство, исключая реальную почву для появления здесь столь продуктивных и многочисленных «кобанских племен». Последнее обстоятельство заставляет искать источник этих передвижений южнее, в бассейне Фасиса — Риони

(А. А. Иессен, Б. А. Куфтин, А. Н. Каландадзе, Л. С. Сахарова, Б. В. Техов), где отмечен ряд исходных колхидско-кобанских форм (топоры, кинжалы и др.). С юга (в т. ч. через Колхиду и Тли) на северные склоны Кавказа пришла серия южных (Иран, Урарту, Малая Азия, Средиземноморье) элементов (шлемы, пояса, пекторали, ритоны, ситуты, фибулы, бляхи и др.). Если основной очаг колхидско-кобанской металлургической провинции локализуется в Восточном Причерноморье, то его северо-кавказские и восточнокавказские варианты либо предстают в виде периферийных, вторичных в системе очагов (Кобан, Тли), либо в качестве контактных зон, более или менее интенсивное культурное воздействие на которые могло идти как путем сезонных (если принять версию о преимущественно скотоводческой специализации общин, оставивших могильники Кобана и Тли) контактов колхидцев с аборигенным населением (В. М. Шамиладзе), так и путем оседания части первых среди вторых.

РАЗДЕЛ II. ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И ЭЛЛИНИЗМА (VI—I вв. до н. э.)

Глава 1. Хронология восточнопричерноморских могильников VI—I вв. до н. э. Сопоставление северозападноколхидской (М. М. Трапш), центральноколхидской (О. Д. Лордкипанидзе и др.) и южноколхидской (А. Ю. Кахидзе) хронологических колонок показывает расхождение в датах, особенно в отношении яруса VI — начала IV вв. до н. э. Для реконструкции облика материальной культуры VI в. до н. э. важны комплексы из Палури, Нигвзиани и др., благодаря присутствию в них раннескифских материалов (акинаки, наконечники стрел) указывающие на сохранение в быту колхидцев в перв. полов. VI в. до н. э. многих элементов предшествующего этапа (бронзовые гривны, пинцеты, двухголовые булавки, изогнутые пряжки, фибулы и др.). Изделия этого круга бытовали и во втор. полов. VI в., о чем свидетельствуют материалы Симагре, где в сочетании с ионийско-родосской посудой обнаружены бронзовые нож, пинцет и сердоликовые бусы. Рассмотрены клады (или погребения?) из Чубурисхинджи, Носири и Парцханаканеви, датированные в рамках VII—VI вв. до н. э. (Ю. М. Гагошидзе) на основании сердоликовых бус и элементов орнамента. Находки подобных бус в горизонтах втор. полов. VI и перв. полов. V вв. до н. э. в Симагре, а также присутствие в рассматриваемых

комплексах подвесок в три оборота, идентичных подвескам из Казбекского клада рубежа VI—V вв. до н. э., серег с треугольными подвесками, аналогичными самтаврским VI в., орнамента в виде меандра и свастик из зерни, стилистически входящего в круг памятников втор. полов. VI — середины V вв. до н. э. (треугольная привеска из Симагре и ожерелье из погр. Вани — 11), ограничивают дату этих кладов рамками VI в. до н. э. Богатые погребения из Вани и Итхвиси V — начала IV вв. до н. э. показывают, что и в этот период в материальной культуре Центральной Колхиды сохранялись пережиточные элементы бронзовой индустрии (ситуты, витые гривны, бегущая спираль в орнаменте и др.).

Особое внимание в работе уделено проблемам хронологии памятников Северо-Западной Колхиды, где накопилось много спорных вопросов. На основе корреляции комплексов Абхазии в развитии местной материальной культуры в VI—II вв. удалось выделить пять этапов. Ярус VI века характеризуется погребениями со скифским инвентарем из Куланурхвы (по сочетанию бронзовых удили с стремчовидными концами, трехпестельчатых железных псалий и трехлопастных наконечников стрел комплексы датированы около 585 г. до н. э.). Датировочными признаками второй половины VI в. до н. э. являются чернофигурная амфора, восточнореческий щит, бронзовые удила с трензелями, известные по находке в «персидском мусоре» конца VI в. до н. э. в Афинах, бронзовые колокольчики с растительным орнаментом, серьги с головками животных, найденные совместно с единственным в Колхиде браслетом с коническими утолщениями, датированном по аналогиям (Тамань) в рамках втор. полов. VI — начала V в. до н. э. К кругу последних изделий относится золотая серьга из Уреки, датированная предварительно VIII—VII вв. до н. э., и идентичное ей по стилю и форме кольцо с головками «бегемотов» из комплекса V в. в Пичвнари. На этой основе ко втор. полов. VI в. в Северо-Западной Колхиде отнесены погребения Куланурхва — 3, Красный Маяк — 7, 8, 23, 35, 38, 82 и Гуад-иху — 72 — одно из древнейших в этом могильнике. Дата второго этапа с помощью присутствующих в его комплексах чернолаковых скифосов 450—420, 420—400 и 400—350 гг. до н. э. (по П. Каллагану), золотой головки барана середины V в. до н. э., бронзового ситечка втор. четверти — середины V в. и перстней-печатей конца V в. до н. э. определена в рамках V — перв. полов. IV вв. до н. э. Главными особенностями этапа являются топоры с коротким молоточковидным обухом, фибулы с ромбовидной или розетковидной дужкой, изогнутые ножи, диадемы с ромбовидными

концами, височные подвески в полтора оборота с насечками на концах, акинаки и бляхи в виде оленя-солнца и др., булавки с многолучевыми головками, пластинчатые и проволочные с расплюснутыми концами браслеты, браслеты с рядами шишечек, колокольчики и др. На этой основе ко второму этапу отнесены на Красномаяцком могильнике 28 могил (№№ 3, 4, 12, 15, 19—21, 23, 24, 26, 31, 36, 37, 39, 40, 42, 53, 55, 71, 73, 78, 97, 98, 124, 128—130, 141), на Гуад-иху — 31 могила (№№ 4—7, 9—14, 16, 17, 21, 55—61, 68—71, 73, 75—80), а также комплексы Сухумская гора — 14, Беслетский мост — 1, Гудаута, Яштух — 1, 2, Бамборский комплекс с винопийцей и др. К близким датам параллельно с автором пришел Г. А. Лордкипанидзе, а позднее и Г. А. Квирквелия. Дата третьего этапа по выразительной серии признаков (чернолаковая посуда втор. полов. IV — перв. полов. III вв. до н. э., бронзовая оббивка греческого щита втор. полов. IV в. до н. э., золотая монета Филиппа III (323—316 гг.) и др.) определяется втор. полов. IV — перв. полов. III вв. до н. э. Наиболее характерные черты этапа — секировидные топоры, известные по изображениям на изделиях североприморской торевтики IV в. до н. э. (Воронежский сосуд, оббивка горита из Солохи, ножны меча из Чертомлыка, Херсонесский медальон и др.), мечи с брусковидным навершием, мечи-махайры, флаксы, цалды, браслеты с вогнутой спинкой и разнотипными утолщениями, культовые эгретки и булавки с трехлучевой выгнутой головкой, сохраняющие элементы местной бронзовой индустрии предшествующего периода. На этой основе к третьему этапу отнесены комплексы Гуад-иху — 1, 19, 20, 23, 25, 51, 52, Сухумская гора — 2, Эшера — 5, Ахул-абаа — 1, Агудзера и др. Четвертый, заключительный этап развития местных могильников в Северо-Западной Колхиде по амфорам, амфорискам, поздним чернолаковым и буролаковым сосудам датируется в рамках втор. полов. III — II вв. до н. э. Комплексов этого времени, как и по всей Колхиде, здесь известно мало (Эшера — 2, холм Верещагина, Цибилуи, Красный маяк — 113, 150).

Важнейшим результатом передатировки большого числа комплексов с VIII — VI на втор. полов. VI — перв. полов. IV вв. до н. э. в окрестностях Диоскуриады является выделение (по аналогии с позднекобанской культурой Северного Кавказа) специфической «позднеколхидской» группы памятников в Северо-Западной Колхиде, отражающей самобытную культуру местного населения, которое вплоть до IV в. до н. э. даже в ближайших окрестностях греческих городов сохраняло комплекс элементов бронзовой индустрии более

раннего времени (украшения, детали одежды, малая скульптура, керамика и др.).

Глава 2. Проблема «Колхидского царства». Гипотеза сформулирована в конце 30 — начале 40-х годов на основе соответствующей трактовки сообщений античных авторов и монет-колхидок (С. Н. Джанашиа). Одно из «крупных государств Передней Азии», «сильное политическое объединение», «государство с городами» и «царскими гарнизонами», «Среднее царство», «могущественное» — таким предстает Колхидское царство в работах многих исследователей (Д. Г. Капанадзе, М. П. Инадзе, О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе, Н. Ю. Ломоури, А. Ю. Кахидзе и др.). В последнее время наметилось более осторожное отношение к проблеме. Допускается возможность существования в Колхиде «раннеклассового государства», которое нет никаких оснований считать «сильным», «мощным», «обширным» политическим образованием (Г. А. Лордкипанидзе, Г. Ф. Дундуа, А. П. Новосельцев, Е. А. Молев и др.). Акад. Г. А. Меликишвили рассматривает Колхиду как неразвитое раннеклассовое общество с сильными пережитками первобытнообщинного строя. Ряд авторов стоит на позициях, отрицающих государство в Колхиде VI — IV вв. до н. э. (Г. К. Соселия, И. Н. Сосновкин, А. И. Болтунова, М. А. Дандамаев, В. П. Яйленко и др.). В настоящем исследовании впервые проведен комплексный анализ существующей аргументации гипотезы о Колхидском царстве как в отношении письменных источников (Геродот, Ксенофонт, Страбон), так и данных археологии (унификация металлических и керамических изделий, металлургия железа, имущественная дифференциация, развитое земледелие, ремесло и торговля, денежное хозяйство, урбанизация и др.).

В цитате Геродота: «Персы живут вплоть до Южного моря, выше их к северу живут мидяне, выше мидян — саспиры, выше саспиров — колхи вплоть до Северного моря, в которое вливается река Фасис» (IV, 37), нет никаких указаний ни на наличие государственности у колхов, ни на сроки ее появления. Из данных Геродота следует лишь, что колхи занимали территорию южнее Фасиса (I, 104; III, 97), что они посылали «дары» персам, причем не золотом, а людьми (III, 97), что они были обязаны участвовать в походах персов вместе с марами (VII, 79), входившими, как, по-видимому, и колхи, в XIX сатрапию (III, 94). Ксенофонт лично засвидетельствовал племенное объединение колхов в окрестностях Трапезунта, которых он определенно противопоставил фасианам — населению Центральной Колхиды (VII, 8, 25). Слова же его солдат, стремившихся пограбить фасианов, что у последних

«царствовал потомок Айэта», свидетельствуют не столько о наличии царской власти в Колхиде, сколько о популярности мифа об аргонавтах в греческом войске Ксенофонта. Свидетельство Страбона, что следовавшие за мифическим Айэтом «цари, владея разделенной на скептухии страной, не имели особой силы» (XI, 2, 18), нельзя трактовать в отрыве от аналогичного свидетельства Страбона в отношении соседних генихов («они находятся под властью так называемых скептухов, которые в свою очередь подчинены царям... у генихов было четыре царя» — XI, 2, 12), у которых по общему признанию господствовал родовой строй, а цари («басилевсы») были племенными вождями (Г. А. Меликишвили). При трактовке сведений Страбона о басилевсах Колхиды мною учитывались слова К. Маркса: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные лакеи, превращают басилев в монарха в современном смысле слова» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 21, с. 113). Аналогично решается вопрос и на основе анализа археологических материалов. В исследовании показано, что ни «унификация металлических изделий и керамики», характерная для всех археологических культур человеческой ойкумены эпохи бронзы и раннего железа, ни широкое освоение железа, ни в основном мотыжное земледелие не могут служить реальной основой для очерчивания «границы колхидского царства и в географическом, и в хронологическом разрезе» (О. Д. Лордкипанидзе). Приусадебный характер богатых колхидских могил и их расположение на одном кладбище с рядовыми общинниками (Вани, Итхвиси), сопутствующие захоронения домашних рабов и другие черты свидетельствуют о раннеклассовом характере общественной организации аборигенного населения, которое не вышло за пределы патриархального рабства (Г. А. Лордкипанидзе), характеризовавшего многие племена Восточного и Южного Закавказья в эпоху средней и поздней бронзы (Бедени, Лчащен, Арчадзор и др.), т. е. общества, еще не достигшие государственности (К. Х. Кушнарева, Э. О. Берзин). О том же говорит и хуторской тип поселений, характеризовавший Колхиду в VI—IV вв. до н. э. и сложившийся еще в начале II тыс. до н. э., в то время как города — обязательные центры первичных раннеклассовых государств — у местного населения отсутствовали. Аналогично решается и вопрос с колхидками — обстоятельные разработки нумизматов (Д. М. Ленг, Е. Похитонов, Г. Ф. Дундуа, А. И. Болтунова и др.) показали принадлежность этих монет полисному чекану греческого Фасиса, осуществлявшего торговую гегемонию в Колхиде в VI—IV вв. до н. э. Следовательно наука сегодня не рас-

полагает никакими реальными свидетельствами о появлении государства у местного населения Колхиды в этот период.

Согласно указанию Геродота (III, 97), политическая власть персов в конце VI — середине V вв. до н. э. распространялась до Кавказского хребта, что должно было наложить свой отпечаток на местную материальную и духовную культуру. В настоящем исследовании впервые специально изучен вопрос об иранских элементах в Колхиде VI — IV вв. до н. э. К этому кругу отнесены бронзовые ножны кинжала из Мерхеули, близкие к изображениям Персеполя, цельнолитые бронзовые удила с трензелями (Итхвиси, Свири, Вани, Красный маяк), железные удила с пластинчатыми трехдырчатыми псалиями и набором колокольчиков (Эшера), характерных для Ассирии, Ирана и Урарту в VIII—VI вв. до н. э., пиналы с омфалом из ряда пунктов Колхиды, дающие повод говорить о существовании здесь одного из провинциальных центров производства посуды по ахеменидским образцам (Ю. М. Гагошидзе), ритон из Мтисдзири, который как по форме, так и по сюжету входит в круг изделий ахеменидского стиля (Г. А. Гамкрелидзе), комплексы золотых изделий из Носири, Парцханаканеви и Чубурихинджи, у которых намечена серия соприкосновений (треугольные привески, меандр и др.) с Ираном и теми областями, культура которых в конце VI—V вв. до н. э. «протекает под знаком персидского влияния» (М. И. Артамонов), отчасти набор ювелирных изделий из погребений Вани середины V — начала IV вв. до н. э. (стиль изображений на диадемах, браслеты с прогнутой спинкой и др.), три наиболее выразительных типа колхидской керамики VI—IV вв. до н. э. (кувшины с трубчатой ручкой, кубки и фляги, широко представленные в памятниках Ирана VIII—VII вв. до н. э. (Тепе-Сялк-В, Саккыз и др.), базы из храма в Саирхе, входящие в круг ахеменидских памятников (Персеполис, Дур-Шаррукин) конца VI—V вв. до н. э. (И. Р. Пичилян), обломки львиных голов ахеменидского стиля (Д. Ш. Надирадзе) из того же храма. Все эти материалы служат прекрасной иллюстрацией к упомянутому свидетельству Геродота и позволяют полагать, что социальный институт «скептухов» (скипетродержцев), название которых является переводом иранского термина, обозначающего титул знати и вельмож (Э. А. Грантовский), появился в Колхиде еще в конце VI — начале V вв. до н. э., и присутствовал здесь до эпохи Страбона (XI, 2, 13).

Глава 3. К истории греческой колонизации Восточного Причерноморья. Основное внимание здесь уделено разбору проблемы в ее археологическом аспекте, поскольку античные

источники (Псевдо-Скилак, Аристотель, Флавий Арриан, Помпоний Мела) однозначно определяют Диоскуриаду, Фасис и Гиенос как «эллинские города», основанные милетцами (сохранилось даже имя ойкиста Фасиса Фемистагора Милетского). Слабая изученность этих городов (Диоскуриада частично размыта морем, изучение Гиеноса только начато, Фасис еще не найден) заставляет обратиться к материалам, выявленным на окружающей их территории.

В исследовании впервые археологически решается вопрос о доколониционных связях населения Колхиды с греческим миром. Постулируемые многими контакты ахейской эпохи ничем не документированы, а сам миф об аргонавтах в его кавказской части датируется временем не раньше VIII—VII вв. до н. э. (Л. А. Ельницкий, А. И. Болтунова). К числу изделий, свидетельствующих о зарождении и развитии греко-колхидских контактов в этот период, помимо трех основных типов колхидско-кобанских фибул отнесены зооморфные пластинчатые фибулы (Палури и др.), подобные которым в Европе распространились из Греции в VII в. до н. э., фибулы с ромбической литой и пластинчатой дужкой, прототипы которых в Греции датируются VIII—VII вв. до н. э., фибулы с гроздьями грибовидных выступов, аналогичных греческим амулетам VIII—VII вв. до н. э., лемеховидные железные мотыги, плетеные удила и др. Важны и материалы VIII—VI вв. до н. э. с территории Греции, которые объясняются (Я. Боузек и др.) контактами с Кавказом (колокольчики, крестовидные и птицевидные привески и др.).

Для решения проблемы демографической ситуации в районах основания Диоскуриады, Гиеноса и Фасиса использованы картографический и статистический методы. Показано, что в окрестностях Диоскуриады на площади до 50 кв. км в VIII—первой полов. VI вв. при отсутствии следов городской формации существовало пять поселений хуторского типа, т. е. столько же, сколько и в конце III—начале II тыс. до н. э. В середине VI—V вв. это число удваивается, иллюстрируя резкий демографический сдвиг, отражающий появление рядом города. На основании подсчета погребений в соответствии с корреляцией (1-я глава настоящего раздела) установлено, что из 220 комплексов VIII—II вв. до н. э. поддающихся анализу, 30% датируются VIII—VII вв., 10% — в основном втор. полов. VI в. и 33% — V—IV вв. до н. э., отражая факт сокращения населения к моменту основания города и его значительный рост в первые два столетия существования Диоскуриады. Параллельно показано, что примеры, используемые для выводов о «сильном имущественном рас-

слоении» (Г. А. Лордкипанидзе, Г. Т. Квирквелиа) в местной среде VI—IV вв. до н. э. (погр. Красный Маяк — 7 и 13, 21, 100 и 31,99идр., погребения с инвентарем и безинвентарные), этой задаче служить не могут, так как сопоставляемые могилы относятся к различным поколениям одного рода или большой семьи, а даты безинвентарных могил неизвестны. Здесь, как и в других районах Колхиды, говоря словами В. И. Ленина, «нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом насилия, каковым являются... вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, — то, что составляет сущность государства» (В. И. Ленин, ПСС, т. 39, с. 69). Географические и демографические условия благоприятствовали возникновению на берегах Сухумской бухты обычной греческой апойкии, основанной в середине VI в. до н. э. Обломки расписной импортной посуды в Красном Маяке, сотни фрагментов родосско-ионийской столовой посуды, коринфская, аттическая, милетская керамика из нижнего горизонта Эшерского городища, чернофигурная амфора из Нижней Эшеры (Г. К. Шамба) и другие находки из окрестностей Диоскуриады в сочетании с данными из других районов Причерноморья (Батуми, Пичвнари, Симагре, Гиенос, Сочи, Торик и др.) свидетельствуют об интенсивном использовании греками морского пути вдоль восточных берегов Черного моря вплоть до Крыма уже в середине VI в. до н. э. (Н. А. Онайко). Топография и ранняя история Эшерского городища, как сельскохозяйственного поселения, основанного тогда же при активном участии греков в окрестностях Диоскуриады, позволяет связать его с формированием в этом районе системы «город-хора», которая во втор. полов. VI в. до н. э. по своим размерам соответствовала северопричерноморским греческим городам. О том же говорит и импорт, интенсивно проникающий в быт аборигенов со втор. полов. VI в. до н. э. (Эшера, Красный Маяк, Гуад-иху и др.), а в V—перв. полов. IV вв. распространившийся по горным долинам (Шубара, Цебельда).

Аналогично, вопреки мнению ряда исследователей (О. Д. Лордкипанидзе, Д. Д. Качарава, Г. Т. Квирквелиа), решается и проблема Гиеноса. В настоящем исследовании показано наличие в его окрестностях демографических сдвигов (исчезновение поселка солеваров, запустение Моквского поселения) в середине VI в. до н. э., на территории же самого городища недавно (С. М. Шамба) установлено, что греки

обосновались здесь в середине VI в. до н. э. на пустовавшем до того месте, а затем началось стягивание к этому месту аборигенов, в быту которых в V в. до н. э. распространяется греческий импорт, проникающий тогда же и в глубину окрестных ущелий (Арасадзых, Ткварчели).

В районе Фасиса на площади 30x30 км известно всего четыре поселения хуторского типа VIII—VII вв. до н. э. и до десятка поселений VI—V вв., из которых только одно (Симагре) усадебного типа было основано в середине VI в., а материалы остальных датируются V—IV вв. до н. э. (Т. К. Микеладзе, О. Д. Лордкипанидзе). Эти факты не дают оснований для вывода о присутствии в этом районе реальной силы, якобы воспрепятствовавшей возникновению здесь греческой апойкии, иллюстрируя вместе с тем демографические сдвиги, выразившиеся в концентрации с конца VI и особенно в V в. до н. э. на необжитых прежде местах аборигенного населения, что объясняется воздействием системы «город-хора». В Симагре (горизонт втор. полов. VI в. до н. э.), помимо массового импортного материала, найдены греческие по форме светильники и крышки из местной глины — древнейшее наряду с монетами свидетельство о ремесленной деятельности греческих переселенцев в Колхиде. Захват Фасисом торговой гегемонии в Центральной Колхиде во втор. полов. VI в. до н. э. иллюстрируется импортными изделиями и началом чеканки собственной полисной монеты, распространение которой позднее привело к связи различных районов Колхиды в единую экономическую систему. Впервые проведенные в настоящем исследовании сопоставления показали, что имеющихся фактов (сюжеты, композиции и исполнение диадем, связываемых с греко-малоазиатской традицией (С. Ю. Сапрыкин), серьги с подвесками в виде лучей и с ажурными подвесками, прототипы которых были распространены в VIII—VII вв. до н. э. в греческом мире (Р. Хиггинс), калачиковидные, характерные как в целом для греческого мира, так и известные по находкам в греческих могилах Пичвари, цепочки на серьгах для одевания на ушную раковину, бытовавшие в южнофракийских памятниках, зернь, миниатюрные птички, многолепестковые розетки, бочонковидные бусы, имевшие распространение в Западном Причерноморье, подвески в виде головок баранов, птиц, вытянутых двуконусов с петлями, амфор, популярных в греческом искусстве Причерноморья в V в. до н. э.) достаточно для вывода о существовании и в Восточном Причерноморье (по аналогии с Западным и Северным Причерноморьем) производства предметов роскоши, рассчитанных на удовлетворение спроса

местной родо-племенной знати. Вкусы последней, как было показано выше, формировались в сфере политического и культурного воздействия Ирана, что обусловило «греко-персидский» характер многих из рассматриваемых изделий, образующих особое ответвление этого искусства в Колхиде. Соответствующие ювелирные мастерские логичнее всего локализовать в Фасисе, где чеканилась монета, и где, вероятно, изготовлялись и найденные в Вани геммы и перстни-печати конца VI — начала V вв. до н. э. Широкое воздействие греческой культуры как в прибрежных, так и в глубинных районах Колхиды хорошо иллюстрируется с V в. до н. э. (Пичвари, Вани, Итхвиси) особенно в среде местной родо-племенной знати, где распространяются греческий язык и письменность, деревянные саркофаги, обычай тризны, импортные изделия. Происходит и ремесленная переориентация — в середине VI в. до н. э. исчезают в прибрежной зоне поселения местных солеваров, что объясняется захватом торговой монополии на соль греками (Г. А. Лордкипанидзе). Последние играли большую роль в стимулировании местного производства железа (В. Д. Блаватский, Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова). Не исключена зависимость от этого факта и появления в Юго-Западной Колхиде большого числа железоплавильных печей, которые, как показано в первом разделе, должны датироваться в основном в рамках VII—VI вв. до н. э.

Глава 4. Восточное Причерноморье в эпоху эллинизма. Глубокие культурно-исторические перемены, охватившие Средиземноморье и Ближний Восток после установления там греко-македонского господства, должны были способствовать укреплению позиций греческих городов и, следовательно, усилению влияния греческой культуры и в Восточном Причерноморье. В современной историографии однако присутствие греков в Колхиде обычно ограничивается посещением морских торговцев и, лишь предположительно, временным или постоянным проживанием ограниченного числа ремесленников и воинов, в то время как глубокая эллинизация Колхиды объясняется воздействием, шедшим не столько через приморские города, сколько из эллинистической Иберии (О. Д. Лордкипанидзе, Н. Ю. Ломоури, М. П. Инадзе).

В настоящем исследовании показано, что остатки Диоскуриады IV—I вв. до н. э., прослеженные на площади до 8 га при мощности накоплений 60—70 см вдоль Сухумской набережной (остатки каменных зданий, строительная и бытовая керамика греческого облика, предметы культа и др.), рисуют город как достаточно крупный центр античной куль-

туры. В истории тесно связанного с Диоскуриадой Эшерского городища установлено три этапа: а) эпоха расцвета (втор. полов. IV — начало III вв. до н. э.), когда поселение достигает площади свыше 3 га, а его основные черты (каменные жилые и культовые здания, тесно поставленные без приусадебных участков), импортные или изготовленные по типовым образцам строительная керамика, амфоры, столовая и кухонная посуда, бронзовая доска с надписью, выполненной на безупречном греческом языке и др.) позволяют рассматривать его как хорион; б) период запустения, когда верхняя часть поселения обращается в могильник аборигенов (середина III — середина II вв. до н. э.); в) эпоха возрождения (конец II — начало I вв. до н. э.), когда поселение обнесено линией мощных укреплений, являющихся ярким образцом позднеэллинистического военно-инженерного искусства, а его материальная культура отражала быт митридатского гарнизона. Из более чем двух десятков неукрепленных поселений аборигенов (комы), известных в окрестностях Диоскуриады, часть возникает в конце IV в. до н. э., существовавшие же раньше переживают расцвет, трансформируясь в рамках системы «город-хора» в сторону сельскохозяйственной специализации и сворачивания собственной ремесленной базы, что иллюстрируется широким распространением в местной среде с конца IV в. до н. э. продукции ремесленных центров Диоскуриады (вооружение, керамика, лемехи, флаксы и др.). Юго-восточнее города по периферии хоры выявлены скопления культурных остатков исключительно греческого характера, в которых можно видеть одиночные неукрепленные усадьбы. Итак, вокруг Диоскуриады удалось установить типологическое разнообразие поселений, отражающее сложную структуру хоры и пестрый этнический и социальный состав ее населения, свойственный многим раннеэллинистическим государствам.

В керамической продукции конца IV — I вв. до н. э. на территории Колхиды обычно выделяются две группы — импортная (т. е. греческая) и местная (аборигенная), в которую включаются и все изделия, изготовленные из местной глины по греческим образцам (Г. А. Лордкипанидзе, Н. Н. Матишвили, Г. К. Шамба и др.). Между тем в окрестностях Диоскуриады известна серия центров керамического производства, греческий характер которых подчеркивается всей совокупностью признаков (организация производства, формы и ассортимент изделий, надписи, клеймение и др.). Продукция этих центров, судя по ее распространению, была рассчитана на удовлетворение спроса горожан и эллинизированной

го населения хоры. Особенно важны амфоры из Гвандрской печи конца IV — начала III вв. до н. э., которые имели на ручках отпечатки клейма ΔΙΟΥΣΚΟΥ, указывающего, по мнению большинства исследователей, на государственный (полисный) характер керамического производства Диоскуриады в раннеэллинистическую эпоху. Эти факты образуют прочное основание для введения в существующую двухчастную систему дифференциации колхидской материальной культуры третьего компонента — продукции городских производственных центров, находившихся в руках местных греческих (с возможным участием эллинизированных аборигенов) ремесленников, отражением деятельности которых является основная масса сооружений и изделий греческого типа из местных материалов (Диоскуриада, Гиенос, Вани, Пичвнари и др.).

В системе эллинистических древностей Колхиды выдающееся место принадлежит городищу в Вани, одними исследователями рассматриваемому в качестве храмового городища — святилища Левкотей (О. Д. Лордкипанидзе), другими — в качестве акрополя при более обширном эллинистическом городе (Г. А. Лордкипанидзе). Для правильного решения вопроса неocenимы данные Плиния Секунда (VI, 15, 10): «Самая прославленная (из рек) Понта — Фасис... судоходна для наиболее крупных судов на 38,5 мили (от устья), затем на значительном расстоянии для малых (судов)... На его берегах было множество городов... Сейчас обладает только (городом) Сурий, который сам назван по реке, впадающей (в Фасис) там, где он, как мы сказали, судоходен для больших кораблей...» Расстояние, указанное между устьем Фасиса и Сурием (38,5 мили или 57 км) полностью соответствует расстоянию (около 60 км) между предполагаемым местонахождением устья Фасиса в античную эпоху (в 10 — 12 км восточнее совр. Потн) до совр. Вани, где еще во второй половине XIX века находилась пристань для судов, курсировавших по Риони. Эти факты, как и созвучие наименования Сурия и протекающей рядом с городищем р. Сулори, позволяют обосновать мнение (Н. В. Хоштария), что Сурий и совр. Ванское городище — одно и то же. Комплекс оборонительных сооружений Ванского акрополя (стены, башни, строительные материалы и приемы), исходя из множества параллелей (Афины, Смирна, Олинф, Фивы, Аспис, Мантинея, Самос, Букатион, Гертис, Платея, Пестум, Селинунт и др.), входит в число наиболее совершенных инженерно-технических фортификационных сооружений греко-эллинистического круга (О. Д. Лордкипанидзе, Г. А. Лордкипанидзе). Он построен на месте более раннего поселения аборигенной знати, погреб-

бения которой, даже непосредственно предшествующие строительству, были безжалостно уничтожены. Поскольку внешне-политическая ситуация Колхиды в конце III в. до н. э. была стабильной, возведение акрополя в Вани нужно связать с внутренними неурядицами — противоречиями между жителями нарождавшегося города и аборигенным населением. В соответствии с нормами греческих городов, где акрополи служили сосредоточием главных святилищ и храмов, в Вани выявлен выразительный комплекс храмов и алтарей конца III — начала I вв. до н. э., типологически связанных (Г. А. Лордкипанидзе, Г. Г. Кипиани) с культовыми сооружениями эллинистического мира (круглый храм с секторальным каменным перекрытием, прямоугольный алтарь с каменной лестницей для совершения молений на открытом воздухе, храм типа мегарона с мозаичным полом, пьедестал у входа в акрополь, на котором в соответствии с нормами античного города стояла статуя богини-покровительницы, различные алтари, капители, симы и проч.). Часть этих сооружений (главный алтарь на вершине и др.) относится к начальной стадии истории городища, другие же возведены при Митридате VI Евпаторе. Религиозная ориентация населения Вани в этот период проявляется находками изображений различных греческих божеств, привозных и исполненных на месте из бронзы и терракоты (Дионис, Геракл, Пан, Сатир, Менада, Ариадна, Силен). В исследовании показана несостоятельность аргументов («культ виноделия и виноградарства», «ритуальная распивка вина», «подношения», ошибка в греческой надписи, земляные алтари, керамика «колхидского производства»), позволяющих видеть в этих сооружениях и изображениях колхские святилища и символы колхских верований, которые якобы в этот период «лишь внешне принимают определенный эллинский облик, тем самым отдавая дань моде и времени» (О. Д. Лордкипанидзе). Параллельно анализируется местная ремесленная продукция из Вани конца III — начала I вв. до н. э., которая в своем абсолютном большинстве носит античный характер (черепица, амфоры, столовая и кухонная посуда, плотничьи топоры и кузнечные инструменты, гвозди, плоские крюки для крепления черепицы, спицы для плетения рыболовных сетей, некоторые элементы вооружения, прямоугольные жернова, трапета для производства оливкового масла и др.), проявляя в отношении керамики полное единство с изделиями греческих ремесленников Диоскуриады и Гиеноса и позволяя сделать вывод о присутствии в Вани того времени мастерских, организованных и эксплуатировавшихся греками. В 0,8 — 1 км северо-восточнее

городища выявлено поселение городского типа (площадь около 25 га), где исследовано более десятка домов, которые подобно постройкам Эшерского городища имели булыжниковый цоколь и черепичную крышу. В одном помещении найден типично греческий семейный алтарь из соленов конца III в. до н. э., который, наряду с массовым материалом (импортные и изготовленные на месте по привозным образцам тара, столовая и кухонная посуда, коропластика, монеты и др.), свидетельствует о греческом характере поселения (В. Т. Личели), а отношение последнего к акрополю, продиктованное условиями местности, находит аналогию в планировке Селиунта VI — IV вв. до н. э. Все это создает основу для гипотезы, рассматривающей Вани в качестве характерной эллинистической структуры, в которой основную роль играли малоазийские греки, в конце III в. до н. э. приступившие к колонизации внутренних пунктов Центральной Колхиды вдоль важнейшей восточнопричерноморской магистрали, согласно Страбону и Плинию Секунду шедшей по Фасису в эллинистическую Иберию (Синопа — Фасис — Сурий — Са-рапанис — Кир).

РАЗДЕЛ III. ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В I — VIII вв. н. э.

Глава 1. Хронология восточнопричерноморских могильников I — VII вв. н. э. Вопросы периодизации и хронологии цебельдинских могильников, как и вообще восточнопричерноморских памятников позднеантичного и раннесредневекового времени поднимались в ряде исследований (А. К. Амброз, Г. А. Ломтатидзе, М. М. Трапш, В. А. Леквинадзе, Г. К. Шамба, Н. И. Апхазава, Н. П. Сорокина и др.), однако комплексный анализ на основе всех имеющихся материалов (около 600 могил из окрестностей Цебельды и несколько десятков комплексов из других районов Колхиды) проводится впервые, причем в исследовании основное место уделено результатам корреляции раскопанного автором крупнейшего в Восточном Причерноморье могильника Цибилуи-1 (232 комплекса). Отмечается заниженность дат нижнего яруса восточнопричерноморских могильников, обусловленная некритическим отношением к показаниям монет. Показано, что в Колхиде пока нет ни одного комплекса, отвечающего дате монеты, а время запаздывания последних определено от 50 до 400 лет подобно тому, как это установлено для других районов (Сипли, Ильичевка и др.). Определено, что наибо-

более важным датирующим критерием являются фибулы, которые наряду с другими изделиями (пряжки, серьги, стеклянная посуда и др.) и в силу своей комплектности (до 3—5 различных фибул в комплексе), позволяют наметить ряд этапов в развитии местной материальной культуры. Рассмотрены одночленные фибулы, представленные своими поздними вариантами (близкими к вар. 3, 4 и 5 по А. К. Амброзу), проникшими в Восточное Причерноморье через римские крепости Понтийского лимеса во втор. полов. II в. н. э. Дата наиболее ранних фибул этого типа, исходя из анализа комплексов Клдеети, Чхороцку и Лиа, определена концом II—III вв. н. э. Показано, что фибулы 4-го варианта, датировавшиеся прежде II в., бытовали и в середине III в. н. э. (Третий Патрейский клад). Комплексы Лоо, Мацеста и Лиа-1 датированы в рамках перв. полов. III в. н. э. На многочисленных примерах (Цибилум-1, 1—2, Ахачхарху-46, Ахьацараху-14, Уреки) показано, что одночленные фибулы бытовали в Восточном Причерноморье до конца IV в. Хронология двучленных проволоочных фибул (3 и 4 варианты IV серии по А. К. Амброзу) определена в рамках IV—перв. полов. VI в. (по находкам в строительном горизонте Цибилума с ранними монетами Юстиниана). Местные варианты «лебяжинских» фибул (4 вариант VI серии по А. К. Амброзу) датированы в рамках втор. полов. IV—перв. полов. V вв. (Цебельда, Модинахе). Круглопровоочные фибулы с заклепками — предшественники крестовидных, отнесены к началу — пер. полов. V в. (комплексы Алраху—7, Ахачхарху—26 и др.). Ранняя дата бытования проволоочных крестовидных фибул (I вариант V серии по А. К. Амброзу) определена порядком комплексов Цибилума (с поздними «лебяжинскими» фибулами с обмоткой, черняховской двупластинчатой фибулой типа IBB по А. К. Амброзу, датируемой не ранее рубежа IV—V вв., и др.) в рамках перв. полов. V в., а наиболее поздняя найдена в строительном горизонте Цибилума (втор. четверть VI в.).

В исследовании впервые приводятся важные данные о стратиграфии цебельдинских могильников. В одной из могильных ям обнаружено три последовательных захоронения (Цибилум—1979, 13, 14, 15). Нижнее по одночленной фибуле III варианта и керамике отнесено к III в. н. э., среднее содержало двучленную подвязную фибулу и другие материалы, датирующие комплекс втор. полов. IV—началом V в., в верхнем найдены проволоочная крестовидная фибула, пряжка и короткий однолезвийный меч середины—втор. полов. V в. В другом случае (п. 18 и 19) комплекс с одно-

членной фибулой типа урекской и двучленной с обмоткой втор. полов. IV в. был перекрыт погребением с проволоочными крестовидными фибулами. Эти и другие примеры позволяют четко дифференцировать в Цебельде III, IV и V века.

Специальному анализу подвергнуты комплексы со стаканами с сотчатым орнаментом, датировавшиеся в рамках втор. полов. IV—перв. полов. V вв. (М. М. Трапш, Н. П. Сорокина) и втор. полов. V—перв. полов. VII вв. (А. К. Амброз, Ю. Н. Воронов) (Абгидзраху—13, 36, 44, Ахьацараху—6, 27). Новые комплексы этого круга из Цибилума содержат проволоочные крестовидные фибулы и другие материалы (меч с серебряной обкладкой, кинжалы, наперстки, краснолаковые блюда и др.) середины V в. н. э., определяя нижнюю дату этих стаканов. Верхняя же дата определяется находками таких изделий в строительном горизонте Цибилума и ряда других крепостей втор. четверти—середины VI в. н. э. (Пскал, Ачипсе). Исследованиями автора внесена ясность и в вопрос о времени бытования пластинчатых крестовидных фибул, датировавшихся IV—V вв. (М. М. Трапш, Г. К. Шамба и др.) и VI—VII вв. (А. К. Амброз, Ю. Н. Воронов). В накоплениях Цибилума эти фибулы найдены с монетами Юстиниана I чекана 527—538 гг., что определяет место серии восточнопричерноморских комплексов (Абгидзраху—30, Алраху—6, Ахачхарху—28, Гагра и др.) в рамках VI в. Важны и находки в тех же накоплениях обломков стаканов с краем, украшенным синими нитями, и сосудов с каплевидной ножкой и рельефным орнаментом, характеризующих многие цебельдинские комплексы (Абгидзраху—40, 47, Ауахуамаху—3, Церковный холм—4—5 и др.). Наиболее поздним в этой группе погребений смотрится комплекс Абгидзраху—15, в котором присутствует золотой крестик, датирующийся в рамках втор. полов. VI—начала VII вв. Особую группу образуют комплексы с овальнорамчатыми пряжками с перегородчатой инкрустацией на щитках (Абгидзраху—14, Апианча—28, Юстинианов холм—3—2, Лар—1 и др.), датирующиеся V (М. М. Трапш) либо втор. полов. VI—перв. полов. VII в. (А. К. Амброз, Ю. Н. Воронов). В этих могилах часты крестовидные фибулы с пластинчатой дужкой, имеющей продольный желоб изнутри. Обнаружение такой фибулы в строительном горизонте Цибилума с монетой Юстиниана, отмечанной в 529—538 гг., заставляет и этот круг комплексов датировать в рамках VI в. н. э. О том же говорит и недавно найденный на Шапкинском могильнике комплекс с аналогичными пряжкой и фибулой, содержащий краснолаковое блюдо со штампами и вертикальным венчиком с насечками, ана-

логичное находкам в верхнем горизонте (550 г.) Цибилуума.

Наиболее поздним смотрятся ряд комплексов с поясными наборами геральдического стиля (Юстинианов холм — 3—1, Пышта, Веселое), датированными по находкам сходных изделий в сочетании с монетами перв. полов. VII в. (Кишзомбор, Малый Перещепин, Акалан). Исследования автора в Цибилууме выявили серию захоронений этого круга (1977 — 9, 1980 — 39, 40 и др.), в которых (во многих случаях впервые на территории Восточного Причерноморья) найдены цельнолитые прямоугольнорамчатые пряжки с геральдическими щитками, ременные наконечники коробочкой с прорезями в виде замочной скважины, 8-образные бляшки, гвоздики с полумесячными шляпками, стерженьковые пуговицы, четырехлепестковые нашивки и бляшки в форме четырех полушарий, овальные накладки и другие изделия, тесно связанные с кругом памятников втор. полов. VI, рубежа VI—VII в, в целом, VII в. (Восточное Закавказье, Юго-Западный Крым, Волго-Камье, Мокрая Балка, Чми, Садовскокале и др.), что подчеркивает наличие выразительного яруса этого периода в восточнопричерноморских могильниках.

Глава 2. Из истории Понтийского лимеса (Себастиополис и Питиунт в IV—VI вв.). В соответствии с данными Прокопия Кесарийского (VIII, 4) и результатами исследований В. А. Левкинадзе, объединившего римско-византийские крепости Восточного Причерноморья в единую оборонительную систему (Понтийский лимес), римско-византийские гарнизоны находились в этих крепостях без существенных перерывов до Юстиниановской эпохи. Однако в современной историографии преобладает точка зрения, рассматривающая эти крепости в IV—начале VI вв. в качестве местных (лазских) (Н. Ю. Ломоури, О. Д. Лордкипанидзе, М. П. Инадзе и др.) городов и укреплений, пришедших в запустение в V в. н. э. (М. М. Трапш, И. И. Цицишвили и др.).

В исследовании показано, что проримская ориентация всего жизненного ритма рассматриваемых крепостей во второй половине III—IV вв. проявляется в облике архитектурных сооружений (перестройки в кастеллах, канабы, ранние христианские храмы), в нумизматическом материале (во второй половине III—начале IV вв. римские антонианы, служившие для оплаты римских гарнизонов и совершенно не воспринимавшиеся внутренним рынком Колхиды, а после переноса столицы в Константинополь в основном медные монеты, чеканившиеся в восточных центрах империи). Определенные разрушения, связываемые с эпохой гуннских нашествий, не нарушили направления культурной и политической ориента-

ции крепостей, в которых согласно источникам (Notitia dignitatum) на рубеже IV—V вв. стояли римско-византийские когорты (В. А. Левкинадзе). Показано также, что постулируемое исследователями «запустение» в Питиунте и Себастиополисе объясняется недостаточной разработанностью хронологии массового археологического материала. Отмечено, что малочисленность монет V в. не может служить свидетельством отсутствия в Себастиополисе и Питиунте ранневизантийских гарнизонов, поскольку аналогичная закономерность отмечена и в отношении других провинций империи (Паннония и др.), где с конца IV в. перешли на использование монеты предыдущего времени (С. Сопрони). Поэтому нужно полагать, что часть нумизматического материала IV в. отражает в Восточном Причерноморье денежное обращение V в. Не находит подтверждения и тезис о почти полном прекращении поступления сюда в V в. керамического импорта. Показано, что многочисленные обломки краснолаковых блюд с вертикальным венчиком, украшенным насечками и изображениями животных, крестов и хризм, относятся к средиземноморской продукции, получившей распространение с начала V в. н. э. Наличие четко ориентированного горизонта V в. в накоплениях Себастиополиса и Питиунта иллюстрируется обломками амфор (Самос и др.), отдельными типами светильников, краснолаковыми и ранними вариантами лошениных кувшинов, стеклянными сосудами с синими напаями и сотчатым орнаментом, крестовидными проволочными и ранними пластинчатыми фибулами, получившими через эти крепости распространение среди аборигенного населения, стратиграфическими данными, отражающими непрерывность в накоплениях от позднеантичного к раннесредневековому времени (М. М. Трапш, Г. А. Лордкипанидзе). Особое место в проблеме занимает пицундская мозаика, дата которой большинством исследователей определяется V в. (Т. С. Каухчишвили, В. А. Левкинадзе и др.), а основные черты вводят ее в круг синхронных ранневизантийских мозаик Средиземноморья (И. И. Цицишвили и др.).

В ходе подготовки к войне с персами внимание византийской администрации к Питиунту и Себастиополису усилилось, что находит свое отражение в многочисленных перестройках, появлении новых обжигательных печей, бань, обновлении храмов и в ассортименте археологических материалов (приток византийской меди для оплаты солдатам и строителям, амфоры с перехватом, цилиндрические, самосские и др., краснолаковая посуда поздних вариантов, пластинчатые крестовидные фибулы и др.), поступление которых

в обозримых комплексах прекращается в 542 г., т. е. с момента ухода византийских гарнизонов.

Безусловно гарнизоны Питиунта и Севастополиса, а также население их канаб (отставники с семьями, торговцы, ремесленники и т. д.) находились в самых тесных контактах с местным этническим окружением, которое согласно источникам, составляли апсилы и абасги. В работе впервые делается попытка выделить круг аборигенных изделий в массовом материале крепостей. Показано, что в основном эти изделия имеют апсильский (цебельдинский) облик, причем кухонная и столовая посуда может быть охарактеризована пока лишь десятком обломков, в то время как пифосы встречаются в горизонтах IV—VI вв. немного чаще, отражая факт заготовки продуктов для гарнизонов среди местного населения. На культурную и политическую обособленность Питиунта и Севастополиса в системе местных древностей указывает и окружающая их широкая (от 7 до 15 км) полоса, совершенно лишенная в тот период населения.

Глава 3. Раскопки Цибилума и некоторые проблемы хронологии памятников Восточного Причерноморья в VI в. Одной из узловых проблем раннесредневековой археологии Восточного Причерноморья является вопрос о Клисуре — оборонительной системе, возникшей в Колхиде в преддверии персо-византийской войны. Апсильские крепости Цибилум и Шапка являются первыми памятниками в ряду подобных сооружений Восточного Причерноморья (Археополь, Родополь, Сканда, Сарапанис, Трахея и др.), где в результате многолетних раскопок под руководством автора, получены важнейшие данные, позволяющие правильно оценить место и значение этих сооружений в местной и мировой истории.

Характерные элементы Цибилума — протейхизма с аркадой, известная по множеству ранневизантийских укреплений V и особенно VI вв. (Константинополь, Херсонес, Болгария, Малая Азия и др.), перибол с различными постройками, кладка стен, являющая сочетание трех традиций (*opus quadratum*, *opus mixtum* и *opus incertum*) в вариантах, характерных для строительного искусства эпохи Юстиниана (Херсонес, Ульмитон, Истрия, Коринф, Северная Африка), использование цемянки в кладке стен, отмеченное и в стенах Херсонеса VI в., разметка квадров греческими буквами, пентагональная башня с угловым показателем 108° в соответствии с указанием Анонима Византийского — зодчего юстиниановской эпохи, катапультная прямоугольная башня, аналогии которой известны среди башен VI в. Сирии и Северной Африки, водопровод, подобный водопроводам в византийских

укреплениях VI в. в Болгарии и др. — указывают на принадлежность его к кругу построек юстиниановской эпохи. Аналогичны и стратиграфические данные — в основании культурных отложений и в строительном горизонте на поверхности скалы найдены медные монеты Юстиниана I, отчеканенные в Константинополе (527—538 гг.) и Теополисе (529—538 гг.), амфоры с перехватом, цилиндрические и с рифлением, светильники и краснолаковая посуда, стеклянные рюмки, крестовидные пластинчатые фибулы и другие материалы VI в. В крепости выявлен горизонт с иранской монетой и воинскими и конскими пластинчатыми доспехами, перекрытый пожарищем, поверх которого лежали накопления с массовыми находками исключительно византийского облика (тарная, кухонная и столовая керамика, устричные раковины и др.), что соответствует сведениям Прокопия Кесарийского о пребывании в Цибилуме (Тзибиле) летом 550 г. персидского гарнизона, уничтоженного затем апсилами, а зимой 550—551 гг. византийского гарнизона. Дата строительства крепости определена между 529 и 542 гг. н. э. Аналогичные данные получены и в Шапке.

Ближайшим аналогом Цибилуму в Восточном Причерноморье является главная крепость Лазики — Археополис (совр. Нокалакеви), с которым Цибилум объединяют предварительная вырубка ложка для основания стен, форма цоколя и массивность нижней части башен, размеры, пропорции плана и расположение катапультных башен, профилированные блоки-опоры для междуэтажных перекрытий, арки входов и бойниц из пяти клиньев, заглубленность одной из сторон арок входных проемов в стену, конструкция порогов из нескольких рядов блоков, сложенных без перевязки со стенами, заставные пазы, параллельное использование трех типов кладок, в том числе и четырехрядных кирпичных поясов, расположение и конструкция вылазных калиток, меандровидный план и кладка стен протейхизм, одинаковая ширина перибола (14 и 5,5 м), прямые линии главных стен, монументальные лестницы, ведущие на стену, бани и др. Археологические материалы Археополя соответствуют находкам из Цибилума — амфоры с перехватом, цилиндрические, рифленные, самосские и др., флаконы, пифосы, лутерии, лощеные и коричневоглиняные кувшины, горшки, судки, светильники, стеклянная посуда, оконное стекло, панцирные пластины, наконечники стрел, греческие надписи, медные монеты Юстина и Юстиниана I — дают полное основание для синхронизации времени постройки обеих крепостей в рамках второй четверти VI в. н. э. Большое число аналогичных соприкосновений отмечено у Цибилума

лиума с рядом других крепостей Колхиды (Трахея, Гагра, Бат, Ахыста, Пскал—Тцахар, Петра, Родополь, Сканда, Сарапанис, Кутаиси и др.). Передатировка Цибиллиума, а вместе с ним, по-видимому, и большинства из упомянутых крепостей с IV на VI вв. открывает, наконец, реальную основу для иллюстрации обсуждаемого уже столетие известного сведения Прокопия Кесарийского о том, что Юстиниан в Колхиде «укрепил все ущелья... — их обыкновенно называют клисурами, чтобы таким образом перед врагами (т. е. перед персами и их северокавказскими союзниками — Ю. В.) были закрыты все пути в Лазику» (О постройках, III, 7).

Обычно последняя цитата связывается с Келасурской (Великой Абхазской) стеной (М. М. Ивашенко, С. Н. Джанашиа, З. В. Анчабадзе, Н. Ю. Ломоури, М. М. Гунба и др.). Первое комплексное исследование этой стены, проведенное автором в ходе подготовки настоящего исследования, установило, что длина ее основной линии не 160 км, а 58 — от устья реки Келасури (искаж. турецк. «кала» — крепость, «сур» — стена) до Ткварчели, ее характеризуют не 2 000 башен, а 279 башен и четыре гарнизонных укрепления, главные особенности которых — планировка, кладка стен, детали интерьера, ружейные бойницы и т. д. объединяют стену с кругом позднефеодальных укреплений Колхиды, в первую очередь с крепостями XVII в. Оцарце и Рухи. На ту же дату указывают результаты раскопок в башнях стены, отметившие наличие там исключительно позднесредневековых остатков. Тот же вывод основывается и на основе письменных источников, в которых, как показано в исследовании, Келасурская стена не упоминается до XVII в., когда она была возведена как результат позднефеодальных междоусобиц.

Картографирование всех известных аналогов Цибиллиума в Восточном Причерноморье и анализ византийских источников позволили впервые реконструировать схему обороны ущелий Колхиды в VI в. и показать, что входившие в нее крепости, не имея прототипов на данной территории, были связаны не столько с интересами местных народов, сколько самой Византии, возложившей на них функцию охраны ее северо-восточных границ, подобную той, которую несли федераты по левобережью Дуная. Как и там, в Колхиде византийцы оказывали помощь местным политическим образованиям денежными субсидиями, строительными отрядами и инженерами (Прокопий сохранил и имя зодчего Фомы, который в этот период строил «многие укрепления в Лазику»). Путем сооружения этого внутреннего лимеса Византия подготовила почву для аннексии Восточного Причерноморья, последовав-

шей после окончания персо-византийских войн (В. А. Леквидзе).

Глава 4. Западнокавказские перевальные пути в VI — VIII вв. н. э. Изучение системы коммуникаций имеет важное значение для определения направлений экономических, политических и культурных связей, которые на рассматриваемой территории приобретают особое значение в эпоху раннего средневековья, когда через Западный Кавказ проходили ответвления Великого шелкового пути (А. А. Иерусалимская). Автором впервые проведено комплексное обследование Псеашхинского, Санчарского, Лабинского, Марухского и Клухорского (Даринский путь или дорога через Апсилию) перевальных путей, а также подгорного (Абхазского) пути, соединявшего в этот и последующий периоды Анакопню с восточными районами Колхиды, частично исследован путь по Ингурскому ущелью (дорога мисимиан).

На пути к перевалу Псеашхо (долина Хосты и Мзымты) выявлено более десятка крепостей и укрепленных поселений (Хоста, Лесное, Галицино, Псахо, Медовеевка, Монашкино, Куницино, Бешенка, Аибга, Котел, Ачипсе, Пслух, Роза-хутор и др.), объединенных как характером строительной техники, так и археологическим материалом. Основные данные (особенности планировки, мелкоквадровая кладка с применением многорядных кирпичных поясов, разнообразная керамика, находящая близкие соответствия в раннесредневековых крепостях Абхазии, расписные кувшины, известные по комплексам VIII — IX вв. в Болгарии, Румынии и Северном Причерноморье, стеклянные рюмки и стаканы с сотчатым орнаментом, железные мотыги, топоры, наконечники стрел и др.) относят основной период функционирования этих крепостей к середине VI — VIII вв. н. э. На начальном объединенном отрезке путей к Санчарскому (через Доу) и Лабинскому (через Химсу) перевалам в ущельях Западной и Восточной Гумисты автором выявлено более десятка крепостей и укрепленных поселений (Гвард, Каман, Отсюш, Шубара, Ахипса и др.), дата которых первоначально была определена античным периодом. Однако крупноквадровая кладка стен Каманской, Отсюшской и Шубарской крепостей и археологический материал (амфоры, апсильская керамика VI в. н. э., рюмковидные сосуды, железное кресало, костяная копоушка салтовского типа и др.) определяют дату этих памятников в рамках середины VI — IX вв. н. э. К этой же группе крепостей относится монументальный крепостной комплекс в Псху. Строительная техника, планировка и археологический материал, включающий керамику, аналогичную находкам в ран-

нем горизонте (VII—VIII вв.) Анакопии, черепицу с попережными бортиками, известную по византийским комплексам с монетами Ираклия (610—641 гг.), кувшинчики эпохи арабских завоеваний в Закавказье и другие черты датируют функционирование последней крепости в рамках VII—IX вв.

Вдоль Клухорского перевального пути, автором выделено две следующие друг за другом системы раннесредневековых укреплений. Ранняя группа характеризуется десятком крепостей и укрепленных поселений (Шапка, Цибилуим, Ахыста, Бат, Лар, Апушта, Пал, Пскал, Учкур, Зима, Ажара и др.), дата основания и назначение которых определены в предыдущей главе. Заключительный этап использования этой системы характеризуется Т-образными шарнирными фибулами втор. полов. VI—начала VIII вв., поясной бляшкой геральдического стиля втор. полов. VI—перв. полов. VII вв., овалнорамчатой пряжкой с прорезным щитком втор. полов. VII—перв. полов. VIII вв., что определяет функционирование отдельных ее узлов до перв. полов. VIII в. Несколько иной облик носят гарнизонные укрепления, выявленные в Герзеуле, Лате, Чхалте и Клыче. Мелкоквдровая кладка стен, редкое употребление многорядных кирпичных поясов, керамические изделия, соответствующие материалам из раннего горизонта Анакопии, бронзовая подвесная ременная петля, характерная для северо-кавказских и тюркских памятников второй полов. VIII—перв. полов. IX вв. (Чми, Чарх, Курай IV, Мойгун-Тайга и др.) и другие материалы датируют ранний этап функционирования этой системы в рамках VII—IX вв. н. э.

Особое значение в определении степени доступности перевалов Западного Кавказа, а также для определения хозяйственной специализации населения Абхазии в раннем средневековье имеют результаты исследований ацангуар-пастушеских жилых и хозяйственных сооружений, датированных прежде от бронзовой эпохи до средневековья (М. М. Иващенко, Н. И. Квезерели-Копадзе, Ц. Н. Бжания, Ш. Д. Иналипа и др.). Автором в процессе многолетних изысканий в высокогорьях Абхазии и Сочинского района (площадь около 4 000 кв. км) выявлено и частично исследовано до 400 ацангуарных комплексов. Тарная, кухонная и столовая посуда, в том числе лощеные и расписные кувшины VI—IX вв., железные ножи, кресала и наконечники стрел VIII—IX вв., изображения боевых топоров VI—VII вв. на культовом камне древних пастухов (Гуарап) и др. материалы определяют дату функционирования ацангуар в рамках середины VI—IX вв.—периода, предшествующего и совпадающего с ранней стадией первого самостоятельного местного государствен-

ного образования—раннефеодального Абхазского царства. Картографирование ацангуар показало, что в этот период под отгонное скотоводство были освоены не только все высокогорные пастбища южного склона Западного Кавказа, но и значительные пространства по его северному склону, где за перевалами Аджра, Дамхурц, Лаба и др. ацангуары заходят на 5 и более километров.

Заключение. Здесь изложены основные итоги исследования по разделам. Особо отмечено, что последние годы на территории Грузинской ССР справедливо характеризуются как период подлинного «археологического бума», в то время как многие гипотезы, с которыми солидаризируется автор или необоснованность которых доказывает, были сформулированы либо до этих исследований, либо в самом их начале, т. е. в опережение самих материалов. Главным результатом настоящего исследования является впервые разработанная на основе корреляционного метода схема развития основных форм материальной культуры Восточного Причерноморья на протяжении 1500 лет. Установлено полное типологическое обновление ассортимента изделий, в том числе и в такого консервативного элемента как керамика, через каждые 250—300 лет. На многочисленных примерах показана теснейшая связь Восточного Причерноморья с Северным Кавказом, Восточным Закавказьем, Ираном, Малой Азией, и, особенно, с Восточным Средиземноморьем, контакты с которым, нарастая из века в век, вписали немало определяющих страниц в историю Колхиды, которая по праву входит в число хотя и периферийных, но органических частей античного культурного мира.

Основные положения диссертации опубликованы автором в следующих работах:

1. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. — Вестник древней истории, М., 1968, № 3, с. 133—142.
2. Археологическая карта Абхазии, Сухуми: Алашара, 1969 (18 п. л.).
3. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии (в соавторстве). — Советская археология, М., 1970, № 1, с. 175—190.
4. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии (в соавторстве). — Краткие сообщения института археологии АН СССР, № 128, М., 1971, с. 100—105.
5. Об Эшерском городище. — Советская археология, М., 1972, № 1, с. 103—121.
6. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии (в соавторстве). — Советская археология, М., 1973, № 1, с. 171—191.
7. Келасурская стена. — Советская археология, М., 1973, № 2, с. 100—122.

8. О датировке абхазских ацангуаров. — Советская этнография, М., 1973, № 6, с. 30—40.
9. К истории экономических связей Апсолии в IV—VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды). — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 138, М., 1974, с. 74—78.
10. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР (в соавторстве). — Советская археология, М., 1975, № 2, с. 268—274.
11. Тайна Цебельдинской долины, М.: Наука, 1975 (8 п. л.).
12. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э. — Скифский мир, Киев: Наукова думка, 1975, с. 218—234.
13. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.). — Мацне, № 3, Тбилиси, 1975, с. 80—82.
14. Гиенос — Советская археология, М., 1976, № 4, с. 42—55.
15. К изучению керамического производства Диоскуриады. — Советская археология, М., 1977, № 2, с. 162—171.
16. Изменение напряженности геомагнитного поля в прошлом на территории Абхазии (в соавторстве). — Геомагнетизм и аэрономия, М., 1977, т. XVII, с. 130—132.
17. Древности Военно-Сухумской дороги, Сухуми: Алашара, 1977 (4,6 п. л.).
18. Раннесредневековые памятники села Псху. — Мацне, № 2, Тбилиси, 1977, с. 139—146.
19. Из истории раннесредневекового гончарного производства в Абхазии. — Известия Абхазского института, вып. VI, Тбилиси, 1977, с. 169—176.
20. Древности Сочи и его окрестностей, Краснодар, 1979 (7 п. л.).
21. Античный мир и Северная Колхида. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV Международной конференции антиковедов социалистических стран «Эйрене»), т. I, Ереван, 1974, с. 82—87.
22. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо — 1977), Тбилиси, 1979, с. 274—279.
23. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 159, М., 1979, с. 44—52.
24. Западно-Кавказская этно-культурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа («Колхидско-кобанская культура») — VIII Крупновские чтения (тезисы докладов), Нальчик, 1978, с. 13—15.
25. Новые памятники Колхидской культуры в Абхазии (в соавторстве). — Советская археология, М., 1978, № 2, с. 257—264.
26. Ахул-абаа — поселение античного времени в окрестностях Сухуми. — В кн.: Материалы по археологии Абхазии, Тбилиси, 1979, с. 32—36.
27. Материалы по археологии Абасгии и Санигии (II—VII вв. н. э.). — В кн.: Материалы по археологии Абхазии, Тбилиси, 1979, с. 49—58.
28. Ранний горизонт в могильниках Цебельдинской культуры (в соавторстве). — Советская археология, М., 1979, № 1, с. 181—198.
29. Новые материалы VII в. из могильников Абхазии (в соавторстве). — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, № 158, М., 1979, с. 67—71.
30. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур — Скифия и Кавказ, Киев: Наукова думка, 1980, с. 200—218.
31. Памятники села Герзеул (в соавторстве), Сухуми: Алашара: 1980 (4,6 п. л.).
32. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции (в соав-

торстве) — Полевые археологические исследования в 1977 году, Тбилиси, 1980, с. 244—251, 413—414.

33. Диоскуриада — Себастиополис — Цхум, М.: Наука, 1980 (7,5 п. л.).
34. Новые материалы по археологии Диоскуриады (в соавторстве). — Известия Абхазского института, вып. IX, Тбилиси, 1980, с. 135—144.
35. О некоторых новых находках в окрестностях Цебельды. — Известия Абхазского института, вып. X, Тбилиси, 1981, с. 110—114.
36. Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации (Цхалтубо — 1979), Тбилиси, 1981, с. 334—341.
37. Восточное Причерноморье в системе эллинистического мира. — Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье» (тезисы докладов и сообщений), Тбилиси, 1982, с. 11—13.
38. Древности Азантской долины, Тбилиси: Мецниереба, 1982 (4,8 п. л.).
39. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. (в соавторстве). — В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. Советско-венгерский сборник, М., 1982, с. 121—165.
40. Исследования в Цебельде (в соавторстве). — В кн.: Археологические открытия 1980 года в Абхазии, Тбилиси, 1982, с. 81—86.
41. Исследования Цибилиума (в соавторстве). — В кн.: Полевые археологические исследования в 1979 году, Тбилиси, 1982, с. 118—124.
42. Археологические исследования в Кодорском ущелье (в соавторстве). — В кн.: Полевые археологические исследования в 1980 г., Тбилиси, 1982, с. 63—68.
43. По древним тропам горной Абхазии. Материалы по средневековому пастушеству (в соавторстве). — Сухуми: Алашара, 1982 (5 п. л.).
44. История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.) (в соавторстве). — Тбилиси: Мецниереба, 1982 (5,3 п. л.).
45. Стекло из раскопок Цибилиума (1977—1980 гг.). — Известия Абхазского института, XI, Тбилиси, 1983, с. 118—124.
46. Раскопки башни № 3. — В кн.: Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.), Тбилиси, 1983, с. 40—53, 79, 80, 120—135.

1. The first part of the document is a list of names and dates, arranged in a column. The names are written in a cursive script, and the dates are in a simpler, more legible hand. The list appears to be a record of some kind, possibly a list of births or deaths, given the format of the entries.

2. The second part of the document is a series of paragraphs, also written in cursive. The handwriting is somewhat faded and difficult to read in places, but the general structure of the text is clear. It seems to be a narrative or a report of some kind, with several distinct sections or paragraphs.

3. The third part of the document is a list of names and dates, similar to the first part. The names are written in a cursive script, and the dates are in a simpler, more legible hand. The list appears to be a record of some kind, possibly a list of births or deaths, given the format of the entries.

4. The fourth part of the document is a series of paragraphs, also written in cursive. The handwriting is somewhat faded and difficult to read in places, but the general structure of the text is clear. It seems to be a narrative or a report of some kind, with several distinct sections or paragraphs.

